

О ЖОЛНЕРОВСКОМ И. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЖОЛНЕРОВСКИЙ Исидор Иванович, родился в 1889 в деревне Буболево Витебской губ., где и проживал, занимаясь сельским хозяйством. 3 декабря 1930 — арестован как «участник контрреволюционной шпионской организации католиков». 4 июля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь¹.

В сентябре 1931 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Леонора Андреевна Жолнеровская.

<22 сентября 1931>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ БЮРО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ
Е. П. ПЕШКОВОЙ

гр<ажданки> Леоноры Андреевны
ЖОЛНЕРОВСКОЙ, 26 лет,
проживающей в дер<евне> Буболево
Крынковского с<ель>с<овета>
Лионянского района

ХОДАТАЙСТВО

4-го декабря 1930 г<ода> по делу ксендза Шукеля был арестован Витебским ГПУ муж мой Исидор Иванович ЖОЛНЕРОВСКИЙ.

Просидел он в Исправдоме 9½ месяцев и вот на днях ему объявлен приговор Коллегии ГПУ, которым ему присуждена ссылка в концлагерь сроком на 10 лет.

Мужу моему приписывается и ставится в вину какая-то агитация против Советской власти и сношение с заграницей. но это чистейший абсурд. Агитацией мой муж никогда и нигде не занимался, а также и в организации никакой антиправительственной не состоял и ничего враждебного Советской власти никогда не выявлял, будучи всегда благожелательным к ней. С заграницей он ни с кем не переписывался и никаких сношений ни с кем не имел, т<ак> к<ак> ни родных, ни знакомых у нас там нет, к тому же муж мой неграмотный и едва может подписаться.

С ксендзом Шукелем личного знакомства муж мой не имел и у него никогда не бывал. Ксендза Шукеля мы знаем только как служителя костела, а чем он занимался и чем он провинился перед Советской властью нам решительно не известно.

Муж мой — крестьянин-землероб и нигде не служил, кроме железной дороги, где служил некоторое время рабочим. По состоянию своего хозяйства муж мой середняк, налога платил 25 руб<>лей.

Семья наша состоит из 3 человек: меня, мужа и сынишки 4-х лет. Имущество свое и хлеб я сдала в колхоз и сию пока в своем доме, имея 1 корову и ¼ дес<ятины> огорода.

Вынесенный приговор мужу моего является чем-то кошмарным, полным ужаса и невообразимого горя как для него, невинно страдающего, так и для меня с ребенком. Я остаюсь без всяких средств к жизни, и меня ожидает тяжелая жизнь, полная ужаса и лишений. Что же касается мужа моего, то он, как тяжело больной, страдающий суставным ревматизмом ног, руки и спины, не выдержит этой высылки и условий жизни в концлагере и осиротит нас — свою семью. Вот эта-та перспектива еще более угнетает нас обоих и убивает.

¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

А я ведь молодая еще женщина, 26 лет, замужем я только 5 лет, а прежняя жизнь моя была очень тяжелая: я из бедняцкой, батрацкой семьи и была пастушкой некоторое время и служила батрацкой. Выйдя замуж за честного труженика, мужа своего, я нашла в нем и доброго, и заботливого семьянина, который украсил мою жизнь и наладил ее. Но вот эта наша хорошая жизнь оборвалась теперь, и что меня ожидает в будущем — один сплошной ужас.

Неужели этот жизненный ужас для меня с горьким ребенком и для невинно страдающего мужа моего — так необходим для Советской власти? Неужели она в нашем семейном горе и несчастье может найти для себя удовлетворение? Нет, нет и нет. Этого не должно быть, это не может быть...

Я болезненным криком мольбы своей о помощи надеюсь получить ее у Вас и прошу Вас хотя *<бы>* уменьшить срок высылки и заменить ее вольной высылкой, чтобы и я с ребенком могла разделить горькую участь нашего кормильца-мужа.

Просительница Л. Жолнеровская.

Сентября 22 дня 1931»².

На письме — две пометы:

«Передать в О*<собый>* О*<тдел>* или отв*<етить>* письменно срочно». «Увед*<омить>* что заявл*<ение>* о пересм*<отре>* дела мужа пересл*<ано>* для срочного заключения. Ответ ожид*<аем>*».

В октябре 1931 — Леонора Жолнеровская отправила Е. П. Пешковой следующее письмо, где вновь просила помощи.

<21 октября>

«Крынки Лионянского района.

21-го сентября 1931 года я обращалась к Вам, гр*<аждан>*ка Пешкова, как истинной защитнице политзаключенных с просьбой о смягчении приговора как незаконно наказанному моему мужу Жолнеровскому Исидору Ивановичу, хотя бы заменить ему вольной высылкой и тем спасти мою несчастную жизнь и оставленных им сироток-детей.

В настоящее время я осталась без всякого жизненного крова, июю я, стоя на защите интересов Сов*<етской>* власти, добровольно отдала всю рожь свою колхозу Новая жизнь еще на поле и сама помогала им убирать все лето хлеб и сенокос с тем условием, что вышеуказанный колхоз по договору обязался выдать мне годовичную норму ржи из моего посева на меня и детей, готовый и вымолоченный, а теперь категорически таковой отказывается выдавать мне рожь на хлеб, говоря, что жалуйся на нас, куда хочешь, но так мы тебе хлеба не дадим.

А посему, гр*<аждан>*ка Пешкова, я решила еще раз побеспокоить Вас, обращаясь к Вам с глубочайшей просьбой о возможно скорейшем сообщении мне по нижеследующему адресу, что Вами сделано в отношении моего ходатайства, возбуждаемого перед Вами одновременно в отношении собственного ходатайства, возбуждаемого перед Вами самим моим мужем. Болея душой о том, в каком положении в настоящий момент находится судьба моего мужа, а вместе с тем и моя с малыми крошками-детьми, и что ждет еще нас впереди, я одновременно прошу Вашего совета, к кому мне надлежит обращаться с просьбой о получении на пропитание себе и малым детям и откуда добывать хлеб.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 648. С. 249-250. Машинопись, подпись — автограф.

Просительница Л. Жолнеровская.

Адрес мой:

Почтовое отделение Крынки МББ ж<елезной> д<>ороги,
деревня Буболево Крынковского с<ель>совета
Жолнеровскому Станиславу Андреевичу для
передачи Жолнеровской Леоноре Андреевне³».

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 648. С. 252. Автограф.